

С.А. Французов

ИНДИЙСКИЕ КОРНИ ЭФИОПСКОГО СЛОГОВОГО ПИСЬМА¹

Настоящая статья посвящена заключительному этапу в развитии эфиопского письма, связанному с его преобразованием из семитского консонантного алфавита в алфасиллабарий, имеющий параллели лишь в Южной и Юго-Восточной Азии. Самые ранние индийские письменности этой категории, кхарошт̣х̣и и бр̣а̣х̣м̣и, следует рассматривать как возможные прототипы эфиопской системы письма. В обоих из них базовая форма передает согласный с кратким *a*. Что до других принципов образования слоговых символов, то данный процесс в бр̣а̣х̣м̣и является многоступенчатым, тогда как в кхарошт̣х̣и силлабические знаки восходят непосредственно к базовой форме, как и в эфиопском письме. Хотя лишь очень немногие символы кхарошт̣х̣и обнаружены в Эфиопии (исключительно в легендах на индийских монетах), есть веские основания воспринимать это письмо как вероятную модель для вокализации геэзской алфавитной письменности.

Ключевые слова: Эфиопское письмо, семитский консонантный алфавит, эфиопский алфасиллабарий, индийские письменности, кхарошт̣х̣и, бр̣а̣х̣м̣и, индийско-эфиопские культурные связи.

S. A. Frantsouzoff

INDIAN ROOTS OF THE ETHIOPIAN SYLLABIC WRITING

The present article touches upon the final phase in the development of the Ethiopian script connected with its transformation from a Semitic consonantal alphabet to an alphasyllabary, which has parallels only in South and Southeast Asia. The earliest Indian scripts of that category, viz. Kharoṣṭhī and Brāhmī, should be considered as possible prototypes for the Ethiopian writing system. In both of them the basic form renders a consonant with a short *a*. As for other principles of the formation of syllabic signs, this process in Brāhmī consists of some stages, while in Kharoṣṭhī as well as in the Ethiopian script the variants derive directly from the basic form. Albeit only a few symbols of Kharoṣṭhī have been found yet in Ethiopia (exclusively in Indian coin legends), there are good reasons to consider it as a probable model for the vocalization of the Ge'ez consonantal writing.

Keywords: Ethiopian writing, Semitic consonantal alphabet, Ethiopian alphasyllabary, Indian scripts, Kharoṣṭhī, Brāhmī, Indian-Ethiopian cultural contacts.

¹ Автор считает своим приятным долгом выразить глубокую благодарность доктору исторических наук Маргарите Иосифовне Воробьевой-Десятовской за консультации по палеографии ранних индийских письменностей и предоставленную литературу по этому вопросу.

Одна из самых сложных и не решенных до конца проблем, связанных с развитием эфиопской письменности, касается ее трансформации из обычного семитского консонантного алфавитного письма¹ во вторичное слоговое или квазиалфавитное, называемое также *алфасиллабирием*. Среди народов Средиземноморья и Ближнего Востока, пользовавшихся алфавитом, лишь обитатели Аксума пошли по такому пути. За пределами этих регионов удастся обнаружить только один аналогичный пример: ранние индийские слоговые письменности брахми и кхароштхи², возникшие на основе северосемитского консонантного письма³. Древнейшими памятниками, где они засвидетельствованы, остаются надписи на камне и металле IV и III вв. до н. э., в которых оба силлабария предстают уже в весьма совершенном виде, поэтому есть серьезные основания датировать их появление первой половиной I тысячелетия до н. э.⁴ Большинство специалистов считали, что именно индийские системы письма были взяты за образец в процессе реформы геэского алфавита, не только исходя из соображений хронологии, но и потому, что помимо слоговых письменностей Индии лишь в эфиопском силлабарии основная форма знака передает сочетание согласный + краткий «а» (а не согласный + отсутствие гласного или неопределенный беглый гласный, как можно было бы ожидать). Поэтому сомнительными кажутся попытки отдельных ученых, даже таких маститых, как Адольф Громан, изобразить переход к слоговому письму в Аксуме как оригинальное изобретение, сделанное местными грамотеями без всякого влияния извне [Jensen 1969: 337].

¹ Происхождение эфиопского консонантного письма от южноаравийского (правда, скорее курсивного, чем монументального) к настоящему времени твердо установлено [Frantsouzoff 2010: 580–581]. Этот процесс пришелся на вторую половину I тысячелетия до н. э.

² В этих терминах (как и при транслитерации семитских слов) надчеркнуты долгие гласные, тогда как точка под «т» обозначает специфический индийский звук (отнюдь не эфматический). Отметим также, что в индологической традиции символ ξ передает звук, близкий к нашему «ш».

³ Арамейское происхождение кхароштхи единодушно признано не только европейскими, но и большинством ведущих индийских ученых [Mangalam 1990: 4–6], тогда как с прототипом для брахми вопрос не столь ясен: его пытаются отыскать как в арамейском, так и в финикийском шрифте [Dani 1963: 23–36]. В любом случае значительный творческий вклад мудрецов древней Индии в разработку оригинальных силлабариев на семитской основе неоспорим.

⁴ См.: [Дьяконов и др. 1989: 475], где это мнение высказано от имени редколлегии.

В своей монографии по индийско-эфиопским связям специальную главу этому вопросу посвятил Сунити Кумар Чаттерджи¹. Не будучи специалистом по ранним письменностям Индии, он в основном повторяет уже известные аргументы сторонников преобразования эфиопского письма в слоговое под индийским влиянием, в том числе наиболее авторитетного среди них — выдающегося лингвиста-семитолога Хаима Рабина, который в своей лекции «India and Israel: Relations between them in Ancient Times», представленной в Бангалоре в начале 1968 г., затронул данную тематику, правда, опять в весьма общей форме [Chatterji 1968: 55–56]. Позднее в частной беседе с С.К. Чаттерджи в Иерусалиме 26 сентября 1968 г. он высказался несколько более определенно: «I think not only the principle was adopted, but the actual signs, as well as their order. The sign-forms have no basis whatever in Semitic. <...> But the most striking link is the indication of a by zero and the making of vowellessness by “breaking” the letter in Ethiopic, corresponding to the Indian ligature-system» [Chatterji 1968: 56].

Сам С.К. Чаттерджи внес посильный вклад в решение этой проблемы, собрав все известные в то время археологические свидетельства знакомства эфиопов с брахмй и кхароштхй, впрочем, весьма скудные. Их оказалось всего два, поскольку черепок с шестистрочной надписью на брахмй, выполненной черной краской или чернилами, был обнаружен среди римских руин в египетском красноморском порту Кусайр² и, следовательно, прямого отношения к Эфиопии не имеет.

Таким образом, с территории Эфиопии происходит единственный образец этого типа письма — небольшая круглая печать с четырехсложной надписью на брахмй, найденная во время раскопок, которые проводились в Адулисе шведом Р. Сундстрёмом и итальянцем Р. Парибени в 1906 г. Интересно, что имя (ḍa?)-da-tra-da, которое удалось прочесть на печати, не является индийским [Chatterji 1968: 52–53], а значит, нельзя исключать ее принадлежности кому-то из местных жителей.

Другая находка менее красноречива. Речь идет о монетах кушанского царя Кадфиза II, или Вимы Кадфиза (конец I в. н. э.),

¹ Ее заглавие достаточно красноречиво свидетельствует о позиции автора: «Reform of the Ethiopian script under 'Ezana: likely Indian (Brāhmī and Kharoṣṭhī) influence» [Chatterji 1968: 49–56].

² См.: [Chatterji 1968: 53–54],— где порт назван Qossen, но это либо опечатка, либо досадная неточность.

с легендами на пракрите, выполненными как греческим алфавитом, так и кхароштхй, из клада, обнаруженного в 1940 г. в монастыре Дабра Дāмо (Даммо)¹.

Среди открытий последнего времени обращает на себя внимание ставшая достоянием научного сообщества информация об открытии бельгийским спелеологом в 2001 г. в пещере Хоқ острова Сокотра, на расстоянии 1,5 км от входа, пальмирской надписи, датированной таммузом 569 г. селевкидской эры / июлем 258 г. н. э., на деревянной доске и многочисленных настенных граффити, часть которых является хадрамаутскими, другие — эфиопскими (геэзскими), а остальные были идентифицированы как индийские, выполненные в подавляющем большинстве письменностью брāхмй². Обнаружение комплекса индийских эпиграфических памятников III в. н. э. на полпути между Индостаном и Африканским Рогом, в периферийной зоне распространения южноаравийской цивилизации³, является серьезным аргументом в пользу знакомства аксумитов со слоговым письмом индийцев.

Принимая во внимание находки в Адулисе и Дабра Дāмо и основываясь на формальных признаках, можно констатировать, что по крайней мере начертания знаков брāхмй и кхароштхй не были совершенно неведомы обитателям Аксума. Впрочем, легенды на заморских монетах они могли воспринимать просто как некий орнамент, не вдаваясь в их суть. Пользовались же эфиопы конца XVIII — начала XX в. талерами Марии Терезии, «бырами» (ᠠᠰᠢ), в качестве основной денежной единицы, не понимая, за редким исключением, что на них написано.

¹ [Chatterji 1968: 54]. Правление царя Вимы Кадфиза датировано по: [Вигасин 2001: 12].

² См. об этом подробнее: [Robin, Gorea 2002], где даны, в частности, фотографии индийских граффити (Fig. 9–11).

Всего же в пещере Хоқ обнаружено 193 индийских надписи, высеченных 117 различными почерками. За исключением одной, выполненной письмом кхароштхй, и билингвы, в которой греко-бактрийская часть сочетается с брāхмй, все остальные представляют собой образцы письменности брāхмй [Strauch (hrsg.) 2012: 254, 286]. Их детальный анализ приведен в: [Strauch (hrsg.) 2012: 254–406].

³ В первые века н. э. Сокотра формально подчинялась Хадрамаутскому царству [Французов 2014: 226, 254] и по крайней мере в первой четверти VI в. под именем *Škrd* официально входила в состав Химйаритского государства как одно из владений кайлей зү Йаз’ан [Müller W. 2001: 147].

И все же попытка выяснить, какая из двух индийских письменностей, брāхми или кхарошт̄хī, оказала решающее влияние на эфиопский силлабарий, не кажется преждевременной. Нельзя исключать и того, что заимствован был лишь общий принцип, лежавший в основе обеих систем письма. В любом случае сначала необходимо разобраться, в чем заключалась коренная реформа эфиопской письменности, осуществленная в середине IV в. н. э. при царе Эзане. Древнейшими памятниками вокализованного геэзского письма являются три надписи, традиционно приписываемые этому правителю: две языческие (RIE 187, 188) и одна христианская (RIE 189). Судя по ним, к этому времени эфиопский силлабарий приобрел вполне законченный вид и располагал тем же набором знаков, включая особые знаки для передачи лабиовелярных, который известен по средневековым геэзским рукописям [Frantsouzoff 2010: 583].

Базовые начертания знаков, прежде использовавшиеся в консонантном алфавитном письме, стали обозначать сочетание согласный + краткий «а» (Ca) и получили наименование **ጋፊብ** (в европейской традиции — первый порядок). Остальные шесть порядков¹ были образованы путем присоединения черточек, «петелек» или кружочков, а в ряде случаев — за счет изменения внутренней структуры знака². Они имеют следующие слоговые чтения:

— **ከፊብ** (второй порядок) — согласный + «у» (Cu)³. Как правило, от базового начертания этот порядок отличается прибавлени-

¹ В геэзской традиции названиями порядков со второго по шестой служат порядковые числительные м. р. (см. ниже). Кроме того, все порядки могут обозначаться эфиопскими (греческими по происхождению) цифрами от ፩ до ፮ [Isenberg 1841: pl. before p. 1]. Самые ранние школьные упражнения с записью знаков во всех семи порядках дошли от XVIII в. (устное сообщение В.М. Платонова), но эта традиция несомненно уходит своими корнями в раннее средневековье.

² Конечно, в надписях Эзаны символы были значительно более угловатыми, чем в средневековых рукописях, что объясняется влиянием такого писчего материала, как камень. Принципиальной разницы в форме знаков с середины IV в. до наших дней не наблюдается (см., в частности, палеографическую таблицу в: [Uhlig, 1988: 47]). Интересно, что уже в надписях царя Кāлеба (сер. 20-х годов VI в.) дуктус теряет значительную часть своей угловатости, приближаясь к древнейшим рукописным почеркам.

³ В геэзских грамматиках различия по краткости и долготе проводятся лишь для гласных «а» (краткого и долгого) и «е» (долгого и сверхкраткого). Если в этом языке и существовали долгие и краткие варианты для «у», «и», «о», то они не выражали никаких морфологических различий и потому не были зафиксированы на письме.

ем небольшой горизонтальной черты справа к средней части знака (ሁ, ለ, ሐ и т.д.). Иногда при этом общая форма знака слегка меняется (ሩ, ዳ, ፋ). В одном случае эта черта присоединяется к нижней части знака (ዐ);

— ህለሽ (третий порядок) — согласный + «и» (Ci). Черта того же типа, что и во втором порядке, отходит направо от нижней части знака (ሊ, ሐ, ሰ и т. д.). Внутренняя структура знака гораздо чаще претерпевает изменения (ሂ, ማ, ሚ, ዋ, ዲ, ዳ, ዳ). У двух знаков эта черта ставится вертикально, образуя своего рода крючок (ሪ, ራ). Третий порядок символа *йаман* восходит непосредственно ко второму: новая черта ставится правее и ниже прежней, примыкая к ней: ደ ← ደ;

— ራብሶ (четвертый порядок) — согласный + долгий «а» (Cā). У тех знаков, нижняя часть которых завершается вертикальными линиями, меняется соотношение их длины: крайняя справа становится заметно длиннее (ሳ, ሐ, ሳ, ባ, አ, ካ, ከ, ዳ, ባ, ዳ). За счет того, что символы эфиопского письма выравниваются по нижней границе строки и ни один их элемент не уходит под нее, складывается впечатление, что не эта линия удлиняется, а параллельные ей линии укорачиваются. Если знак имеет иную форму, то у него появляется «ножка», чаще справа (ማ, ሚ, ዳ, ዳ), но иногда — посередине (ዋ, ፋ). Нужно отметить, что у большинства этих знаков такая «ножка» появляется в третьем порядке и именно к ней прибавляется горизонтальная черточка. У тех знаков, которые в первом порядке оканчиваются на одну «ножку», в четвертом она резко искривляется, уходя вниз (ቃ, ቃ, ቃ, ደ, ኃ). Ни под один из этих алгоритмов не подходят изменения, претерпеваемые в четвертом порядке *рэ'эсом* (ራ) и *нахāсом* (ና);

— ኃምሽ (пятый порядок) — согласный + долгий «е» (Ce)¹. Схема образования этого порядка довольно однотипна: к нижней части знака справа присоединяется «петелька» (ሌ, ሐ, ራ, ሰ, ቱ и т. д.). Символы, которые в третьем и четвертом порядках становятся на «ножку», приобретают ее и в пятом порядке (ማ, ሚ, ዳ, ዳ, ዳ). У знака *йаман* «петелька» при помощи маленькой черточки прибавляется справа к середине знака (ደ);

¹ Из-за отсутствия в геэзе краткого «е» значок долготы над гласным в пятом порядке зачастую не ставится.

— ḤḤḤ (шестой порядок) — согласный + беглый гласный (сверхкраткий «е»)¹ или ноль гласного (Сё или С). Трудно уловить алгоритм, следуя которому символы трансформировались из первого порядка в шестой. Чаще всего знак как бы «ломался» в своей верхней части (ሀ, ለ, ሰ, ቀ, ቸ, ኅ, ኘ, ከ, ጥ). Вместе с тем к знаку могли быть добавлены черточки справа (ወ, ደ, ጸ), слева (ብ), сверху (ዕ, ዐ), две черточки снизу (ደ), «петелька» слева вверху (ግ), или весь знак мог кардинально трансформироваться (ፍ);

— ḤḤḤ (седьмой порядок) — согласный + «о» (Со). Здесь столь же сложно выявить алгоритм, что и в шестом порядке. Некоторые символы или по крайней мере их нижняя половина представляют собой зеркальное отражение своих аналогов в четвертом порядке (ሐ, ሰ, ቦ, ኦ, ከ, ቦ, ጸ)². Большая группа знаков в седьмом порядке присоединяет кружок или «петельку» сверху посередине (ቆ, ቶ) или справа к своей верхней (реже — средней) части (ሆ, ለግ, ግግ, ግግ), нередко несколько меняя при этом форму (ሮ, ፍግ). Символы май и саут становятся на центральную вертикальную ножку, которая может быть слегка скошена влево (ሞ, ሞ); у йамана черточка появляется справа (ሞ), а у гамэла — сверху (ግ).

На первый взгляд, письмо брāхмй кажется более вероятным прототипом для эфиопского силлабария, чем кхароштхй.

Во-первых, ареал его распространения был заметно обширнее: если памятники на кхароштхй встречаются только в Северной Индии и прилегающих к ней регионах (Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане), то брāхмй, будучи представлено в Центральной Азии в V–IX вв., еще в конце I тысячелетия до н. э. широко использовалось на территории собственно Индостана, в том числе в южной части полуострова, и даже проникло на Шри Ланку [Dani 1963: 50–107, 215–226]. Таким образом, надписи на брāхмй обнаружены в тех частях Индии, которые расположены ближе всего к Эфиопии, и даже на Сокотре. На существование

¹ В русской транслитерации передается либо через «э» (как в данной статье), либо через «ы».

² К этой же группе принадлежат ሆ, ሆ, и ደ. Хотя в принятом сейчас стандартном эфиопском шрифте их полная или частичная зеркальная симметрия с четвертым порядком не заметна, она наглядно проявляется в эпиграфике, в более архаичных почерках и даже в типографских шрифтах (см., например: [Ludolf 1702: 2; Isenberg 1841: pl. before p. 1]).

регулярных индийско-аксумских связей указывают археологические находки в Адулисе, свидетельствующие о торговых отношениях со Шри Ланкой в середине I тысячелетия н. э., а также предание о путешествии в Индию адулисского епископа Моисея в первой четверти V в. [Munro-Hay 1991: 59, 82, 207].

Во-вторых, письмо кхарошт́хй применялось для записи текстов на праkritах (в исключительных случаях — на санскрите) [Dani 1963: 253–254], т. е. только на индийских языках, а значит, даже за пределами Индостана индийские торговцы и миссионеры пользовались им преимущественно в собственной среде, для внутренних нужд. Брāхмй же вместе с буддизмом пришло в Среднюю Азию и Восточный Туркестан, где около V в. н. э. было воспринято местным населением, говорившим на прежде бесписьменных тохарском и сакском языках¹. В IV–VII вв. это письмо получило распространение в Юго-Восточной Азии, причем к нему обращались при составлении текстов не только на санскрите, но и на местных языках: чамском, монском и пью [Dani 1963: 227–247]. Именно письмо брāхмй наряду с буддизмом и индуизмом стало достоянием многих неиндийских народов.

Наконец, в кхарошт́хй сохранилось направление письма справа налево, принятое в арамейском и вообще типичное для большинства семитских письменностей, тогда как брāхмй, как и вокализированным геэским шрифтом, писали слева направо². Однако при сравнении эфиопского силлабария и брāхмй обнаруживается ряд существенных различий, причем не на уровне форм конкретных значков, присоединявшихся к базовому символу (согласный + краткий «а»), поскольку они в самом брāхмй отличаются заметным разнообразием в зависимости от периода и региона, а в связи с общими принципами образования слоговых символов. В эфиопском письме от первого порядка **напрямую**

¹ Уникальная коллекция сакских и тохарских документов, выполненных письмом брāхмй на бумаге и дереве, была собрана Н.Ф. Петровским (1837–1908) в бытность его российским генеральным консулом в Кашгāре в 1882–1904 гг., приобретена Азиатским музеем Императорской Академии наук в 1909 г. и сейчас хранится в ИВР РАН. Ее сакская часть издана в: [Emmerick, Vorob'eva-Desjatovskaja 1993, 1995].

² Исключение составляет группа выполненных письмом брāхмй ранних надписей со Шри Ланки (возможно, относящихся к периоду до правления Ашоки (ок. 273–232 гг. до н. э.), из которых 39 написаны справа налево, а шесть — бустрофедоном [Mangalam 1990: 6–7] (ср. [Dani 1963: 217]).

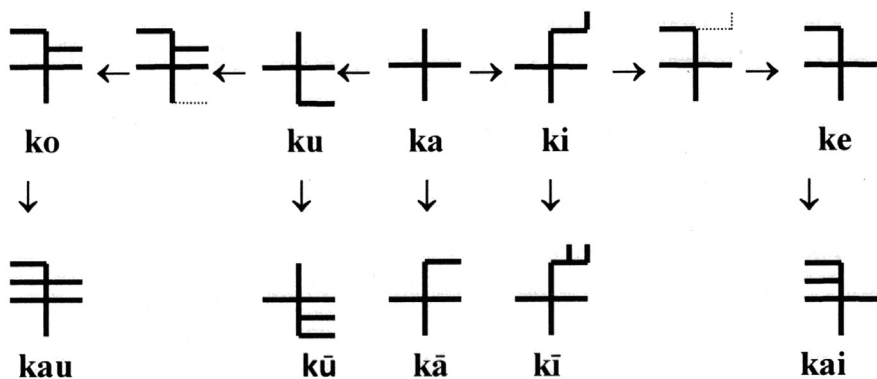

Рис. 1. Принцип образования слоговых знаков в письме брāхмī (на примере ka и его производных)

образуются шесть производных. В брāхмī этот процесс является гораздо **более многоступенчатым и разветвленным**, подчиняясь законам санскритской грамматики:

- от основного знака (Ca) образованы символы для Cī и Cū;
- каждый из этих трех символов имеет свой долгий вариант (Cā, Cī, Cū);
- от Cī происходит знак для Ce, а от Cū — для Co, хотя эти преобразования являются не прямыми и не столь очевидными, как в предыдущих случаях;
- слоговые знаки для дифтонгов Cai и Cau получены непосредственно из Ce и Co (см. рис. 1)¹.

Письмо кхароштхī построено на ином принципе, более близком к тому, который лег в основу эфиопской слоговой письменности:

- от базового символа Ca благодаря прибавлению черточки или «петельки» к его различным частям непосредственно происходят слоговые знаки для остальных кратких гласных: Cī, Cū, Ce, Co;
- довольно поздно (ближе к середине I тысячелетия н. э.) только в текстах из Восточного Туркестана и преимущественно

¹ [Dani 1963: 46–47]. При составлении рис. 1 были использованы таблицы из: [Dani 1963: 40, fig. 5: IX, X; Jensen 1963: 360, Abb. 345]. Следует учесть, что приведенные здесь формы знаков являются схематичными, «усредненными» и не отражают особенностей палеографии брāхмī, детально представленных у Георга Бюлера [Bühler 1896: Taf. II, III] и Ахмада Хасана Дани [Dani 1963: pl. Ia–XXIIb]. Так, наряду с изображенным на рис. 1 начертанием слога ko встречается и его зеркальный аналог [Ibid.: 40, fig. 5: IX].

в санскритских словах встречается значок для передачи долготы гласных. Он имел форму прямой черты, правый конец которой немного наклонен вниз, ставился под знаком со сдвигом вправо и, как правило, не соединялся с ним. Лишь в скорописи за счет слияния некоторых базовых знаков и этой черты образовались лигатурные символы типа Cā¹.

Ниже на примере знака *tha* и его производных, с одной стороны, и схожего с ним по начертанию эфиопского символа † (*ta*) и его вариантов во всех порядках, кроме шестого, с другой, сделана попытка сопоставить обе слоговые письменности (см. рис. 2)².

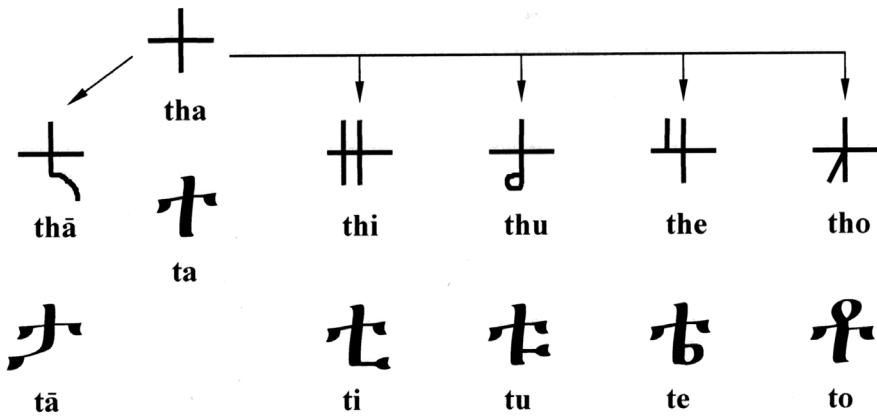

Рис. 2. Принцип образования слоговых знаков в письме кхароштхй и их сравнение с символами эфиопского силлабария (на примере *tha* с его производными и *ta* в первом-пятом и седьмом порядках)

¹ [Dani 1963: 257, 258, fig. 19]. Весь набор знаков, засвидетельствованных в памятниках письменности кхароштхй, представлен в: [Mangalam, 1990: 13–43, 49].

² Символ *tha* выбран для большей наглядности из-за его графического сходства с *ka* в брāхмй. Начертания слоговых знаков взяты из: [Mangalam 1990: 27]; при этом они схематизированы и упрощены. За основу принимались, как правило, более поздние формы (из-за их хронологической близости ко времени появления эфиопского вокализованного письма), встречающиеся в поздних кушанских надписях или в документах из Восточного Туркестана, однако в случае с *tho* пришлось воспользоваться той его формой, которая известна по надписям царя Ашоки, т. к. в текстах последующих эпох этот знак не отмечен.

Интересно, что символ *tha* возводят не к арамейскому *tav*, имеющему общие корни с эфиопским †, а к *m̐tu* [Dani 1963: 259], и следовательно, близость их начертаний объясняется случайным совпадением.

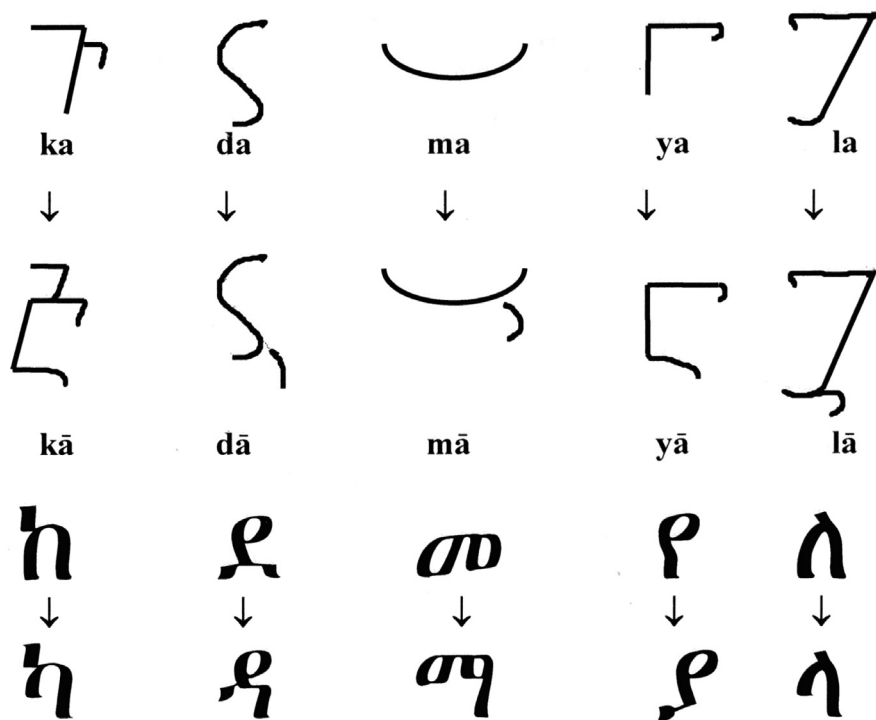

Рис. 3. Образование лигатурных знаки типа Cā в письме кхароштхї и символов четвертого порядка в эфиопском силлабарии

С учетом того, что кхароштхї писали справа налево, а геэзским вокализированным шрифтом — слева направо, обращает на себя внимание поразительное сходство thā и tā, а также thu и te, причем в первом случае совпадение касается **не только формы, но чтения знака!**

Таким образом, обращение к письменности кхароштхї в поисках прототипа для эфиопского силлабария полностью подтвердило приведенное выше мнение Х. Рабина, предполагавшего, что предметом заимствования был не просто принцип трансформации алфавитного письма во вторичное слоговое, а конкретные элементы слоговых символов. Некоторая графическая аналогия между эфиопским четвертым порядком и лигатурами типа Cā в кхароштхї может быть продемонстрирована на целом ряде других примеров, правда, не столь ярких, как thā и tā (см. рис. 3)¹.

¹ Представленные на рис. 3 знаки даны по: [Mangalam 1990: 14, 28, 34, 35, 37]. Нужно отметить, что все они восходят к соответствующим арамейским буквам [Dani 1963:

Конечно, на нынешнем уровне наших знаний пока не представляется возможным объяснить, почему значок, передававший в кхароштḥī краткий «у», был использован в эфиопском для образования пятого порядка (т. е. для передачи долгого «е»), повлияла ли эта индийская письменность и в какой степени на второй и третий, а особенно на шестой и седьмой порядки. Трудно согласиться с Х. Рабином, усмотревшим аналогию между шестым порядком и индийскими лигатурными знаками, образованными в результате слияния двух символов. Однако подобные лигатуры есть в эфиопском слоговом письме. Речь идет о специальных знаках для лабиовелярных типа **ቁ** (qwa), **ቁጐ** (qwi), **ቁጐጐ** (qwā), **ቁጐጐጐ** (qwe), **ቁጐጐጐጐ** (qwě). Всего в геэзском силлабрии насчитывается двадцать таких символов (помимо перечисленных для **ከጐ** (ḥwa), **ከጐጐ** (kwa), **ገጐ** (gwa) и их производных). Наибольшее сходство с лигатурами в кхароштḥī типа Sam, Sya, Sa, Sva, действительно имеющими посередине своеобразный «излом», обнаруживается в геэзских знаках для **ቁጐጐጐ** (qwā), **ከጐጐጐጐ** (ḥwā), **ከጐጐጐጐጐ** (kwā), **ገጐጐጐጐጐ** (gwā), хотя в этих случаях речь, конечно, может идти об использовании общего принципа, а не о прямом заимствовании формы¹. Впрочем, здесь нет оснований говорить о влиянии именно кхароштḥī, поскольку аналогичная система образования лигатур характерна и для брāхмī [Dani 1963: 44–45, 54–55, fig. 6].

Но в целом приведенные выше сведения указывают на то, что как раз кхароштḥī, а не брāхмī послужило прототипом для вокализации геэзского консонантного письма². С историко-географической точки зрения подобный вывод представляется довольно парадоксальным, поскольку никаких следов кхароштḥī

257, 259], а значит, в конечном счете к тем же знакам семитского протоалфавита, что и их эфиопские аналоги.

¹ См., прежде всего, такие лигатурные знаки, как kam, kya, kva, gam, gya, gva, thya, dva, nam, nya, rva, lam, lya, vya, šam, šya, sam, sya, sva [Mangalam 1990: 14, 16, 27, 28, 30, 31, 36–38, 40, 41].

² Тексты, выполненные письмом кхароштḥī, обнаруживают известное сходство с памятниками аксумской эпиграфики, составленными локализованным шрифтом. Ср., например, очертания знаков в надписи на серебряной пластинке из Таксилы, датированной 136 г. н. э. [Mangalam 1990: 57], и в RIE 188, 195, 232. Отметим, что влияние кхароштḥī совершенно не коснулось эфиопских цифр, представляющих собой заимствованные из греческого буквы в их числовом значении (ср. [Mangalam 1990: 49] и [Старинин 1967: 18, табл. 7], где приведены все эфиопские цифры с их греческими, коптскими и кириллическими аналогами).

ни в западных, ни в южных областях Индостана, ни на Шри Ланке не найдено. Откуда носители этой индийской письменности могли прийти в аксумскую Эфиопию? С крайнего северо-запада Индии? Имеющийся материал не позволяет пока ответить на этот вопрос. Вообще за исключением алфасиллабария, каких-либо иных достоверных следов индийского влияния на Аксум обнаружить не удастся. Ю. М. Кобищанов, правда, упоминает о том, что сшитые из трех кусков ткани и окрашенные в желтый цвет особые тоги хайява, которые носили в старину эфиопские монахи, «поразительно похожи на одеяние буддийских монахов Цейлона и Юго-Восточной Азии» [Кобищанов 1966: 262], однако оставим это спорное сопоставление на его совести¹.

Вместе с тем вокализация геэзского письма под индийским влиянием позволяет объяснить, почему в местной христианской традиции не сохранилось внятных преданий об этом изобретении и о тех деятелях, подобных Месропу Маштоцу или Кириллу с Мефодием, которые за ним стояли. Следует подчеркнуть, что вопреки расхожему мнению, возникновение эфиопского алфасиллабария не было связано с потребностью правильно записывать переведенные на геэз христианские богослужебные тексты. Напомним, что две из трех надписей Эзаны, выполненных слоговым письмом, содержат упоминания языческих богов (RIE 187, 188). Не стояли ли у истоков реформы эфиопской письменности буддийские миссионеры из Индии (скорее всего, из Кушанской империи), о которых адепты христианства, разумеется, предпочли умолчать?

¹ Термин хайява ни в геэзе, ни в амхарском обнаружить не удалось. Скорее всего, Ю.М. Кобищанов или не названный им автор, у которого он эту информацию почерпнул, так исказили амхарский термин *vāyibā* (ዋይባ), которым обозначается ряса вальдеббских монахов, действительно выкрашенная в желтый цвет при помощи корней одноименного растения. Тогда неуместной выглядит ссылка на старину, поскольку такие одеяния в монастыре Вальдебба носят и сегодня. Стоит подчеркнуть, что никакой связи вальдеббской конгрегации с буддизмом не прослеживается.

Библиография

- История древнего мира / Под ред И.М. Дьяконова и др. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. Т. 2. 573 с.
- Вигасин А.А.* «Перипл Эритрейского моря» и политическая карта Индии // Вестник древней истории. 2001. № 1 (т. 236). С. 3–13.
- Кобищанов Ю.М.* Аксум. М.: Главная редакция восточной литературы, 1966. 296 с.
- Старинин В.П.* Эфиопский язык. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967 (Сер. «Языки зарубежного Востока и Африки»). 120 с.
- Французов С.А.* История Хадрамаута с древнейших времен до конца британского владычества. Т. I: История Хадрамаута в эпоху древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014 (*Studia Yemenica*). 336 с.
- Bühler G.* Siebzehn Tafeln zur Indischen Palaeographie. Strassburg: Verlag von K. J. Trübner, 1896 (Grundriss der Indo-arischen Philologie und Altertumskunde, Bd. I/11). 17 Tafeln.
- Chatterji S.K.* India and Ethiopia from the seventh century B. C. Calcutta: Asiatic Society, 1968 (*The Asiatic Society Monograph Series*, vol. XV). IX + 80 p.
- Dani A.H.* Indian Palaeography. Oxford: Clarendon Press, 1963. 318 p.
- Foreign Sailors on Socotra. The inscriptions and drawings from the cave Hoq / Hrsg. von I. Strauch. Bremen: Hempen Verlag, 2012 (*Vergleichende Studien zu Antike und Orient* / hrsg. von H. Falk, Bd 3). 589 p.
- Frantsouzoff S.A.* Script, Ethiopic // *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 4 / Ed. by S. Uhlig in cooperation with A. Bausi. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 580–585.
- Isenberg Ch.W.* Dictionary of the Amharic Language. In two parts. Amharic and English, and English and Amharic. L.: Printed for the Church Missionary Society, 1841. VII + 216 p.; 219 p.
- Jensen H.* Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. 3. neubearbeitete und erweiterte Auflage. B.: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1969. 608 S.
- Iobi Ludolfi.* Grammaticæ Æthiopicæ. Editio secunda. Francofurti ad Moenum: J.D. Zunnerus, 1702. [12] 184+[8] p.
- Mangalam S.J.* Kharosṣṭhī Script. New Delhi: Eastern Book Linkers, 1990. 84 p.
- Müller W.W.* Antike und mittelalterliche Quellen als Zeugnisse über Soqotra, eine einstmals christliche Insel // *Oriens Christianus*. Hefte für die Kunde des christlichen Orients. Bd. 85, 2001. S. 139–161.
- Munro-Hay S.* Aksum. An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh: University Press, 1991. X + 294 p.
- Robin Ch.J., Gorea M.* Les vestiges antiques de la grotte de Hoq (Suqutra, Yémen) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 2002, avril–juin. P.: Diffusion de Bocard, 2002. P. 409–445.

Saka Documents VII & III: the St. Petersburg collections / Ed. by R.E. Emmerick and M.I. Vorob'ëva-Desjatovskaja. L.: School of Oriental and African Studies, 1993, 1995 (Corpus inscriptionum iranicarum. Part II: Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. V: Saka). 256 p.

Uhlig S. Äthiopische Paläographie. Stuttgart: Fr. Steiner, 1988 (Äthiopische Forschungen, hrsg. von E. Hammerschmidt, Bd. 22). 848 S.

Список сокращений

RIE — *Bernard E., Drewes A.J., Schneider R.* Recueil des inscriptions de l'Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite / Introduction de Fr. Anfray. T. I: Les documents. T. II: Les planches. T. III: Traductions et commentaires, A: Les inscriptions grecques par Étienne Bernard. P.: Diffusion de Boccard, 1991, 2000. 540 p.; 233 pl.; 69 p.